

С.В. Фоменко

**ГЕРМАНО-АМЕРИКАНСКИЙ «ДИАЛОГ» ОКТЯБРЯ 1918 г.:
ПОПЫТКА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ**

Германия направила США просьбу о перемирии 5 октября 1918 г., но перемирие добилась лишь 11 ноября. Автор обращается к анализу причин более чем месячного затягивания с прекращением Первой мировой войны, а также его последствий. Высказывается мнение, что главную роль в затягивании конфликта сыграл не германский генералитет, а заявленное президентом США нежелание иметь дело с «военными господами и монархическими автократами». Фактически потребовав изменения политического режима Германской империи, В. Вильсон прервал начавшийся в ней эволюционный конституционный процесс. Но возникшая Веймарская республика оказалась «демократией без демократов». Очень скоро в Германии появился эрзац-кайзер Гинденбург, а затем и «вождь» Гитлер.

Ключевые слова: Первая мировая война; Вудро Вильсон; Макс Баденский; «кризис отречения».

Предыстория окончания Первой мировой войны хорошо известна: канцлер Германии направил президенту США в ночь на 5 октября 1918 г. телеграмму с просьбой «предпринять шаги к восстановлению мира, уведомить все воюющие державы об этой просьбе... Чтобы избежать дальнейшего кровопролития, германское правительство просит о *немедленном* (курсив везде мой. – С.Ф.) заключении перемирия на суше, на воде и в воздухе» [1. С. 337]. Однако перемирие между Германией и победителями будет подписано лишь 11 ноября. В связи с этим автор предпринимает попытку еще раз обратиться к проблеме причин более чем месячного затягивания с прекращением войны, а также его последствий.

После того как в 1919 г. зачинщицей войны провозгласили Германию, обвинять в затягивании мирового конфликта стало принято ее военное руководство: оно, мол, запросив перемирия, не рассталось с мечтой о возобновлении борьбы после передышки [2]; «истинный военный» Людендорф расценил требование Вильсона об обеспечении «невозможности возобновления Германией военных действий» «как требование безоговорочной капитуляции и готов был поэтому продолжать сопротивление» [3].

Но подобного рода интерпретации кажутся не очень убедительными, поскольку германская просьба о перемирии была выработана, прежде всего, по настоянию Людендорфа и Гинденбурга – «военного дуэта», с августа 1916 г. определявшего жизнь не только армии, но и всей Германии. И этот же «дуэт» позволил правительству сообщить в США о принятии «в качестве базиса мирных переговоров программу, изложенную президентом... в его послании к Конгрессу 8 января 1918 г. и в его последующих заявлениях, особенно в его речи 27 сентября 1918 г.» [1. С. 337]. Значит, германский генералитет уже примирился с поражением, с тем, что придется уйти с оккупированных территорий, отдать соседям Эльзас-Лотарингию и часть восточных провинций, отказаться от приобретений, полученных по мирным договорам с Россией и Румынией, и т.п. Не

исключено, что «военный дуэт» примирился даже с необходимостью реформирования государства с целью его приближения к буржуазно-демократической модели.

Известно: просьба Германии о перемирии была направлена стране, лишь 1,5 года назад вступившей в войну, потому что по мере приближения конфликта к концу Францию и Англию стала захлестывать волна под лозунгом: «Заставим раскошиться бошей», – и даже с требованием: «Кайзера на виселицу!». Президент же США профессор Вудро Вильсон – не без влияния большевистского призыва к миру без аннексий и контрибуций – в своем послании к Конгрессу 8 января 1918 г. изложил в 14 пунктах условия мира, который мог считаться более или менее справедливым. Произнесенные до окончания войны еще три речи Вильсона – 11 февраля, 4 июля и 27 сентября – превратили его 14 пунктов фактически в 22 [4. Р. 5], выдвинув в качестве неотъемлемой части мирного урегулирования также самоопределение наций, «власть закона», неприятие секретных договоров и т.п. В том числе первым из «существенных условий мира» Вильсон назвал 27 сентября «беспристрастную справедливость»: она «должна быть оказана в одинаковой мере всем, без разделения на тех, к кому мы хотим быть справедливы, и тех, кому мы не хотим оказывать справедливость. Это должна быть справедливость, которая не знает любимцев и не знает иного мерила, кроме *равных прав для всех заинтересованных народов*» [5. С. 358].

В речах президента США звучал, правда, и еще один, не очень приятный для германской элиты мотив. В преддверии объявления войны Германии Вильсон, например, провозгласил 2 апреля 1917 г. в Конгрессе: «...нам не нужны военные контрибуции и никакие материальные компенсации за жертвы, которые мы добровольно принесем... наша цель сейчас, как и всегда, – восстановить принцип мира и справедливости в международной жизни *против эгоистической и авторитарной силы*». «Прусская автократия» развязала, мол, войну «так же, как предпринимались войны в недобрые старые времена, когда... войны провоцирова-

лись и велись в интересах династий или небольших групп честолюбивых людей, которые привыкли пользоваться своими согражданами как орудием для достижения своих целей». «Мы рады бороться за окончательный мир во всем мире, – заявил тогда Вильсон, – и за освобождение народов, включая и германский... Миру должна быть обеспечена демократия. Мир должен быть основан на прочной основе политической свободы» [1. С. 324–326].

Аналогичные мысли развивались в публичном выступлении Вильсона 27 сентября 1918 г. в нью-йоркской Метрополитэн-опере: «...никакого рода торгом или компромиссом не может быть достигнут мир с правительствами центральных империй... Они не соблюдают соглашений, не признают принципов, кроме силы и собственной выгоды. Мы не можем заключать условия с ними. Они сделали это невозможным. Германский народ должен теперь быть вполне осведомленным о том, что мы не можем принять слово тех, кто навязал нам эту войну» [2].

Принято считать, что военные Германии, в отличие от ее политиков, не были знакомы с данным блоком идей Вильсона. Но, судя по всему, о них был осведомлен все же генерал фон Людендорф, который вплоть до своей отставки являлся диктатором, обладавшим почти императорскими полномочиями. Не исключено также, что именно Людендорф явился инициатором «парламентаризации монархии»: 30 сентября 1918 г. было создано первое в истории Германии парламентское правительство – кабинет Макса (Максимилиана) Баденского с участием представителей крупнейших партий Рейхстага, включая и марксистскую СДПГ. Если это так, то Людендорф, по-видимому, надеялся инициированной им «революцией сверху» облегчить переговоры с США о мире. Но этого не произошло.

В первой своей ноте, переданной 8 октября посреднику в отношениях США с Германией, Вильсон писал: он «считает необходимым предварительно уточнить смысл ноты имперского канцлера. Хочет ли... канцлер сказать», что его правительство принимает «условия, которые были изложены президентом в его послании конгрессу... и в последовавших за этим речах и что, следовательно, переговоры коснутся только практических деталей их исполнения?» Затем следовало заявление Вильсона, что «он не найдет в себе смелости предложить (союзным) правительствам... прекратить военные действия до того, пока армии этих (центральных) держав находятся на территории союзников». И наконец, в конце ноты поднимался вопрос: «Говорит ли имперский канцлер только от имени установленных властей империи, которые до сих пор вели войну?» [6. Р. 240]. Тем самым президент США «включил» внутренний вопрос в международный обмен дипломатическими нотами» [7].

Макс Баденский в своем ответе Вильсону повторил: его правительство принимает все условия, изложенные в свое время президентом США, а поэтому намерено

обсуждать лишь детали их исполнения. Оно готово эвакуировать все занятые территории и только просит США создать смешанную, из представителей обеих сторон, комиссию для проведения эвакуации. Что же касается последнего вопроса Вильсона, то на него был дан такой ответ: германское правительство образовано по соглашению со значительным большинством рейхстага, и канцлер говорит «от имени германского правительства и германского народа» [6. Р. 249].

Президента США не удовлетворили ни последняя часть ответа германского правительства, ни его претензия на совместную с победителями работу по эвакуации захваченных территорий. В итоге последуют еще две ноты Вильсона, в каждой из которых также содержалось две группы требований: «военная», адресованная германской армии, и «политическая», подталкивавшая власти Германии к шагам «в направлении к демократии».

«Во избежание возможного недоразумения» в своей второй ноте Вильсон обращал внимание «на форму и ясное значение одного из мирных условий», обозначенного им 4 июля как «уничтожение, где бы то ни было, всякой произвольной власти, могущей отдельно, тайно и по единственно собственному усмотрению нарушать мир в мире; а если же она не может быть уничтожена, то, по крайней мере, низведение ее до подлинного бессилия». Только что приведенные слова, говорилось в ноте, «составляют условие, предшествующее миру». Президент обязан «сказать: весь процесс мира... будет зависеть от определенности и удовлетворительного характера гарантий, которые могут быть даны по этому основному вопросу» [Ibid. Р. 250].

На наш взгляд, почти недельная задержка Берлина с ответом на данную ноту США объяснялась именно тем, что Вильсон дал понять: он не подпишет с «произвольной властью» рейха даже перемирия, не говоря уже о мире. Генерал Людендорф, судя по его воспоминаниям, был возмущен двумя обстоятельствами: несмотря на то, что к отравляющим веществам прибегали, например, обе воюющие стороны, президент США назвал германские «способы ведения военных действий противоречащими нормам международного права». Кроме того, Вильсон «глубоко вторгся (хотя и) в неясных выражениях в нашу внутривнутриполитическую жизнь». Как следствие, считал генерал, перед властями Германии встал выбор: «сдаться на милость Антанте или поднять народ на последний решительный бой» [8. С. 333]. 17 октября Людендорф говорил министрам: «Никто не может усомниться в нашем искреннем стремлении к миру. С другой стороны, это наше неотъемлемое право – до последнего дыхания защищать свою жизнь и честь». Не требуя прекращения диалога с США, Людендорф считал необходимым «поставить вопрос ребром: “Скажите коротко и ясно, что мы должны делать, но если вы потребуете от нас чего-то несовместимого с нашим национальным достоинством, если вы вознамеритесь лишить нас способности защищаться, то мы на это не пойдем”» [Там же. С. 336–337].

Макс Баденский же для получения согласия на перемирие ускорил работу над теми конституционными изменениями, что уже считались неизбежными. (Известно: принц согласился возглавить кабинет лишь после того, как император пообещал выполнить два условия: право объявлять и заканчивать войну получит только Рейхстаг, и он, кайзер, откажется от командования армией и флотом [9. С. 591–592]. Представляя Рейхстагу свой кабинет 5 октября, канцлер публично сообщил: вслед за созданием парламентского правительства последуют конституционные изменения.

После обсуждения вопроса правительством 10 октября Рейхстаг должен был заняться рассмотрением реформы конституции 22–26 октября. Но уже 20 октября он утвердил две конституционные поправки: объявление войны / заключение мира становилось возможным отныне только с согласия Рейхстага, а канцлер оставался в своей должности, пока пользовался парламентским доверием. И тут же кайзер был лишен права назначать, повышать или увольнять офицеров и командный состав армии и флота без контрассигнования канцлера или министра. Присягу военных на верность императору заменили присягой на верность конституции [10. С. 235; 2].

Поскольку 20-го же октября Вильгельм II отдал распоряжение о прекращении подводной войны [11. С. 55], чего требовали США, канцлер отправил Вильсону ответ, в котором наряду с прочим говорилось: «После проведенной в октябре конституционной реформы германское правительство представляет не автократический режим, а правительство, подотчетное только народу и свободно избранному им парламенту» [6. Р. 254].

Только после этого в своей третьей ноте от 23 октября президент США наконец-то сообщил: так как его предварительные требования выполнены, он согласен передать германскую просьбу о перемирии на рассмотрение союзных держав. Однако при этом Вильсон «считал своим долгом» снова сказать: союзникам будет предложено на рассмотрение «только такое перемирие, которое... обеспечит за союзными правительствами неограниченную власть оградить и провести силой все детали мира, на который согласилось германское правительство». Но условием перемирия, оказывается, выдвигалось не только это. В конце ноты Вильсон прямо заявил о своем отказе поверить в то, что германское правительство подотчетно «только народу и свободно избранному им парламенту». Как бы значительны ни были, по-видимому, изменения германской конституции, писал Вильсон, «из этого вовсе не следует..., что принцип ответственности правительства перед немецким народом уже последовательно проводится в жизнь, что имеются или могут быть обеспечены какие-либо гарантии того, что частично осуществленное сейчас изменение принципов и практики будет носить длительный характер».

«Может быть, – размышлял Вильсон в “политической” части своей ноты, – вопрос о будущих войнах будет предоставлен решению германского народа, но

нынешняя война была решена не им, а мы имеем дело с нынешней войной. Очевидно, что германский народ не имеет средств заставить военные власти империи подчиниться народной воле; власть прусского короля по руководству политикой империи остается неприкосновенной; *решающая инициатива еще находится в руках тех, кто до сих пор был господами Германии*. Чувствуя, что мир всего мира зависит теперь от ясной речи и прямых действий, президент считает своим долгом сказать, не пытаясь смягчить то, что может показаться резким: *народы всего мира не верят и не могут верить слову тех, кто до сих пор был вершителями германской политики*. Он считает своим долгом сказать еще раз, что при заключении мира и при попытке исправить бесконечные обиды и несправедливости этой войны *правительство Соединенных Штатов может иметь дело только с истинными представителями германского народа*, которые были бы обеспечены действительным конституционным положением в качестве действительных правителей Германии. Если оно (правительство США) должно сегодня иметь дело с *военными господами и монархическими автократами Германии* или если ему (что похоже на то) грозит иметь с ними дело по поводу международных обязательств Германской империи и в будущем, то оно (правительство США) должно требовать не мирных переговоров, а капитуляции» [2; 6. Р. 255; 12. С. 62; 13. Р. 489].

Наши современники-американцы по поводу заявления о возможности капитуляции Германии вполне справедливо замечают: «Мы не знаем точно, как это могло выглядеть, но прецедентом в сознании Вильсона могло являться то, как Союз обращался с Конфедерацией после Гражданской войны в Америке...» [14]. И все же последовавшую резкую реакцию германского «военного друга» на третью ноту Вильсона мы бы связали не с этой угрозой капитуляции, а с открыто заявленным в ноте нежеланием *иметь дело «с военными господами и монархическими автократами»*.

Многие полагают: уже речи 1918 г. свидетельствовали о намерении Вильсона низвергнуть монархии в Германии и Австро-Венгрии [15. Р. 148]. Еще большее число исследователей считают, что первой нотой Вильсона [2], а скорее – второй [4. Р. 4], на очередь дня было поставлено отречение кайзера; третьей же своей нотой Вильсон просто гнал императора Германии с престола. Но этого не было. Явно стремясь избежать обвинений во вмешательстве во внутренние дела другого государства, президент США ни разу не упомянул имени Вильгельма II в своих нотах. Выдвигаемое им «политическое» условие начала мирных переговоров можно было трактовать как угодно: как требование отречения Вильгельма II, как требование низведения императорской власти к нулю и даже как требование ликвидации в Германии монархии вообще. Мечтавший о «вечном мире», покоящемся на американских условиях свободы торговли, морей и т.п., Вильсон искренне считал, что монархии более республик склонны к войнам.

22 октября 1918 г. Вильсон признался своим министрам, что он «боится большевизма в Германии. Чтобы блокировать большевизм, – сказал он затем, – Германии нужен император на троне» [15. Р. 36]. Тем не менее, мало думая о последствиях своих действий, Вильсон не смягчил тона своей третьей ноты. Как напишет позднее тогдашний британский премьер-министр, Вильсон, копируя Авраама Линкольна, в отличие от Линкольна, не отдал «всю свою энергию и все свои способности» делу скорейшего прекращения войны [20. С. 204]. В условиях, когда европейцы жаждали мира, Вильсон продолжал рассматривать войну чуть ли не в качестве крестового похода за тот тип демократии, что сложился в Новом Свете, и намерен был насаждать его как «фанатичный сектант» [20. С. 202].

Состоявшийся 5–27 октября 1918 г. обмен семью нотами между властями Германии и США немецкий исследователь назвал не только «самым удивительным из всех, когда-либо предшествовавших заключению перемирия между воюющими державами», но и очень напоминающим *академический диспут*, который велся «между специалистами в области государственного права, принадлежащими к различным научным школам» [12. С. 62]. В верхах германского общества, в котором ликвидации монархии не требовала даже марксистская СДПГ, американское требование устранения «произвольной власти» было расценено первоначально как требование лишь *ограничения полномочий монарха*. «Ведущие государственные деятели рейха еще не были готовы рассматривать такую чудовищную возможность», какой, с их точки зрения, являлось отречение императора [16. Р. 7]. Для Гинденбурга, например, «верность своему императору и королю была высшим законом жизни» [17. С. 127]. Поэтому «содержание третьей ноты, требование отречения было неприемлемо» для Людендорфа с Гинденбургом [4. Р. 7] – как и для подавляющей части правящих кругов Германии вообще.

Позднее Людендорф так сформулировал мотивы, толкнувшие его 24 октября на действия: «*Народ, который, не исчерпав до конца имеющихся у него возможностей, идет на унижение и допускает, чтобы ему навязали условия, которые подрывают основы его существования, обречен на гибель*» [12. С. 65]. 24 октября войска получили такой приказ «военного друга»: «...перемирие должно сделать Германию настолько беззащитной, чтобы она уже никогда не могла взять в руки оружия. Вести переговоры о мире с Германией он (Вильсон) намерен только в том случае, если она полностью согласится с требованиями союзников относительно *своего внутреннего устройства*; иначе говоря, речь может идти только о *безоговорочном подчинении*». Поэтому «для нас, солдат, ответ Вильсона может служить лишь призывом к продолжению сопротивления с напряжением всех сил» [8. С. 340].

Это был такой открытый вызов правительству, ведущему переговоры о перемирии, что кайзеру при-

шлось отправить Людендорфа 26 октября в отставку (попросив, правда, Гинденбурга остаться на его посту). Теперь, когда «двойное военно-гражданское правление» закончилось [4. Р. 7], Макс Баденский направил Вильсону 27 октября ноту с сообщением: его пожелание удовлетворено, военная каста отринута, демократия восторжествовала [18]. 5 ноября последует положительный ответ из США. Но в это время «кризис отречения», по-настоящему разразившийся 23 октября, развивался в Германии уже не в одной плоскости и даже не в двух [4. Р. 6], а, скорее, в трех.

Уже по получении 2-й ноты Вильсона стали распространяться «слухи об отречении» кайзера [19. С. 188], ибо судьбу Вильгельма II начала открыто обсуждать общественность. Причем вопрос этот подняла прежде всего «буржуазная пресса» [2]. 24 октября военный кабинет даже рассматривал вопрос, какие меры следует предпринять против газет, вопреки запретам поднимающих вопрос об отречении императора [11. С. 58].

Когда же стало известно содержание третьей ноты Вильсона, у всей Германии на устах оказались «слова, которых за три недели до этого никто не слышал: “вопрос о кайзере” и “революция”». 25 октября с трибуны Рейхстага впервые прозвучало требование ухода и наказания Вильгельма II. С 27 октября «лозунг “Кайзер должен уйти!” овладел общественностью» [11. С. 58]. Многие в отречении Вильгельма II видели «лучшее, даже единственное средство спасения» и монархии, и государства. «Если же заключение перемирия сорвется из-за “вопроса о кайзере”, то возникнет реальная угроза революции. О том, откуда и как грянет революция, еще никто не знал». Существовало лишь «опасение, что отчаявшиеся массы могут восстать во имя избавления от кайзера, который стоял между ними и миром» [12. С. 63].

Опасения оправдались, хотя «массы» поднялись и не в связи с «вопросом о кайзере» [Там же]: «...как и в России, революционное движение родилось в Германии из поддержки призыва к миру» [4. Р. 8].

Отданный «военным дуэтом» 24 октября приказ, как оказалось, не остался без последствий: руководство германских ВМС приказало флоту выйти в море для решающей схватки с англичанами. Элементарная воля к жизни вызвала на флоте 29 октября бунт, который вылился в вооруженное восстание, а затем, начиная с 3 ноября, – и в общенациональную революцию.

Ранее вопрос о республике не поднимался [11. С. 58]. Но теперь, поскольку фигуры авторитарных монархов стали главным препятствием к миру, поднявшиеся низы общества поставили закономерный вопрос: а зачем вообще они нужны? И в ходе выступлений 3–9 ноября повсеместно зазвучало требование республики. 7 ноября 1918 г. «демократической социалистической республикой» была провозглашена первая из германских земель – Бавария, а 9 ноября республикой объявили и Германскую империю.

Говоря о превращении Второго рейха в республику, нельзя, конечно, представлять дело так, будто речь идет о

«революции извне и сверху». Но и отрицать этого полностью тоже нельзя. Вопреки попыткам отрицать данный факт [15. Р. 36], осенью 1918 г. США фактически вмешались во внутренние дела Германии, «предпослав» ей республиканскую форму государственного устройства. Хорошо известно, чем это закончилось: Веймарская республика оказалась «демократией без демократов», и очень

скоро вместо императора в Германии появился эрц-кайзер Гинденбург, а затем «вождь» Гитлер и «великогерманское безумие» [21. С. 155, 169]. Поэтому президент США, вмешательство которого в немалой степени прервало эволюционный конституционный процесс, шедший в вильгельмовской империи, тоже в какой-то степени ответственен за такое развитие германской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шацилло В.К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 480 с.
2. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма, 1871–1919. М. ; Л. : Гос. издательство, 1927. URL: <https://history.wikireading.ru/57657>
3. The World War I // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com>
4. Le Blank V. Autumn 1918: the Abdication of Kaiser Wilhelm II and Germany's Loss of the Great War // The Atlas: UBC Undergraduate Journal of World History. 2008. P. 1–12.
5. Архив полковника Хауза. Избранное : в 2 т. / пер. с англ. В.В. Прокунина. М. : АСТ : Астрель, 2004. Т. 2. 744 с.
6. Documents and Statements relating to peace proposals and war aims (December 1916 – November 1918). With an introduction by G. Lowes Dickinson. London : George Allen and Unwin Ltd. ; New York : The Macmillan Co., 1919. 258 p.
7. Lutz R.H. The German Revolution 1918–1919. Stanford : Stanford University Press, 1922. URL: https://archive.org/stream/germanrevolution00lutz/germanrevolution00lutz_djvu.txt
8. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. М. : Центрполиграф, 2007. 351 с.
9. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. М. : Русич, 2000. 640 с.
10. Шмитт К. Государство и политическая форма. М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 272 с.
11. Дабкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М. : Наука, 1967. 433 с.
12. Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? : пер. с нем. М. : Прогресс, 1983. 223 с.
13. Ludwig E. Wilhelm Hohenzollern. New York : G.P. Putnam's Sons, 1927. 528 p.
14. URL: <https://www.quora.com/If-the-government-of-the-Second-Reich-had-not-collapsed-at-the-end-of-WWI-what-would-the-treaty-of-Versailles-have-looked-like>
15. Bullet L. Armistice 1918. Kent, Ohio ; London : Kent State University Press, 1996. 262 p.
16. Czernin F. Versailles, 1919. The Forces, Events and Personalities that Shaped the Treaty. New York, 1964. 437 p.
17. Пуге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста / авторизованный пер. с нем. Г. Рудого. М. : Мысль, 1982. 429 с.
18. Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М. : Международные отношения, 1989. 320 с. URL: <http://art-of-diplomacy.ru/Art-of-Diplomacy.ru: Искусство дипломатии>
19. Вильгельм II. События и люди 1878–1918: Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2003. 464 с.
20. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах : в 2 т. : пер. с англ. М., 1957. Т. 1. 655 с.
21. Шульце Х. Краткая история Германии : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2004. 254 с.

Fomenko Svetlana V. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: fomenk@gmail.com

THE GERMAN-AMERICAN "DIALOGUE" OF OCTOBER 1918: AN ATTEMPT AT RETHINKING

Key words: The Great War; Woodrow Wilson; Max Baden; Wilson's notes; the crisis of renunciation.

On October 5, 1918, the German Empire sent a request to the United States for a truce. But the truce will be signed only on November 11. The author once again turns to the analysis of the reasons for more than a month delay with the end of the Great War, as well as its consequences.

The exchange of 7 notes between the German and US authorities in the period of October 5th - October 27th can be named after S. Huffner not only "the most amazing of all that ever preceded the conclusion of an armistice", but also resembling the academic debate of specialists belonging to various scientific schools.

It is difficult to say what exactly Wilson sought from the German authorities. The "political" condition for the beginning of peaceful negotiations in each of his three notes can be interpreted as a demand for the abdication of Wilhelm II, as a demand for the reduction of the imperial power to zero and even as a demand for the abolition of the monarchy in general. On the eve of sending his third note to Chancellor Max Baden, the President confessed to the ministers that he was afraid of Bolshevism in Germany. To block Bolshevism, he said, this country needed an emperor on the throne. Nevertheless, little thought about the consequences of his actions, Wilson did not soften the tone of his note. In our opinion, the main role in delaying the war was played not by the German generals, but by the fact that Wilson actually demanded to change the political regime of the German Empire, declaring his reluctance to deal "with military gentlemen and monarchical autocrats". Copying Abraham Lincoln, Wilson, unlike him, did not give all his energy to the cause of an early end to the war. In a situation where Europeans thirsted for peace, he continued to view the war almost as a crusade for the Anglo-Saxon type of democracy and intended to implant it as a "fanatical sectarian."

In Germany, where the liquidation of the monarchy was not required even by the Marxist Social-democratic party, the American demand for the elimination of "arbitrary power" was regarded by the elite initially as a requirement of merely limiting the powers of the monarch. But by the time the US agreed to a truce, the "crisis of renunciation" that had erupted in Germany under the influence of Wilson's third note of October 23rd, was no longer developed in one dimension or even in two, but rather in three: it affected not only the ruling elite and the public, but also the masses. Since the figures of authoritarian monarchs became the main obstacle to peace, the rising lower society posed a logical question: why are they needed? And in the course of actions on November 3rd – November 9th, the demand for republic, virtually absent earlier, sounded everywhere. On November 9th, the German Empire was proclaimed republic.

The Weimar Republic, however, turned out to be "a democracy without democrats". Very soon, instead of the emperor in Germany ersatz-Kaiser Hindenburg appeared, and then "leader" Hitler and "great German madness." The author considers that the US president, whose intervention interrupted the evolutionary constitutional process in Wilhelm's empire, was also to some extent responsible for such development of German history.

REFERENCES

1. Shatsillo, V.K. (2003) *Pervaya mirovaya vojna 1914-1918. Fakty. Dokumenty* [The First World War 1914–1918. Data. Documentation]. Moscow: OLMA-PRESS.
2. Tarle, E.V. (1927) *Evropa v epokhu imperializma, 1871–1919* [Europe in the era of imperialism, 1871–1919]. Moscow; Leningrad: Gos. izdatel'stvo. [Online] Available from: // <https://history.wikireading.ru/57657>.
3. Encyclopedia Britannica. (n.d.) *The World War I*. [Online] Available from: // <https://www.britannica.com>.
4. Le Blank, V. (2008) Autumn 1918: the Abdication of Kaiser Wilhelm II and Germany's Loss of the Great War. *The Atlas: UBC Undergraduate Journal of World History*. pp. 1–12.
5. House, E. (2004) *Arkhiv polkovnika Khauza. Izbrannoye v dvukh tomakh* [The intimate papers of Colonel House]. Vol. 2. Translated from English by V.V. Prokunin. Moscow: AST, Astrel'.
6. Lowes Dickinson, G. (ed.) (1919) *Documents and Statements relating to peace proposals and war aims (December 1916 – November 1918)*. London: George Allen and Unwin Ltd.; New York: The Macmillan Co.
7. Lutz, R.H. (1922) *The German Revolution 1918–1919*. Stanford: Stanford University Press. [Online] Available from: https://archive.org/stream/germanrevolution00lutz/germanrevolution00lutz_djvu.txt.
8. Ludendorff, E. (2007) *Moi vospominaniya o voyne. Pervaya mirovaya vojna v zapiskakh germanskogo polkovodtsa. 1914–1918* [My memories of the war. The First World War in the notes of the German commander. 1914–1918]. Translated from German by A. Svechin. Moscow: ZAO Tsen-trpoligraf.
9. Utkin, A.I. (2000) *Zabytaya tragediya. Rossiya v Pervoy mirovoy voyne* [A Forgotten Tragedy. Russia in the First World War]. Moscow: Rusich.
10. Shmitt, K. (2010) *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [The state and the political form]. Translated from German by O. Kildyushov. Moscow: HSE.
11. Drabkin, Ya.S. (1967) *Noyabr'skaya revolyutsiya v Germanii* [The November Revolution in Germany]. Moscow: Nauka.
12. Haffner, S. (1983) *Revolutsiya v Germanii 1918/19. Kak eto bylo v deystvitel'nosti?* [Revolution in Germany in 1918/19. How was it in reality?]. Translated from German by S. Gavrish, N. Portugalov, V. Kopteltsev. Moscow: Progress.
13. Ludwig, E. (1927) *Wilhelm Hohenzollern*. New York: G.P. Putnam's Sons.
14. Tempest, S. (2016) *If the government of the Second Reich had not collapsed at the end of WWI, what would the treaty of Versailles have looked like?* [Online] Available from: <https://www.quora.com/If-the-government-of-the-Second-Reich-had-not-collapsed-at-the-end-of-WWI-what-would-the-treaty-of-Versailles-have-looked-like>.
15. Bullet, L. (1996) *Armistice 1918*. Kent, Ohio; London, England: Kent State University Press.
16. Czernin, F. (1964) *Versailles, 1919. The Forces, Events and Personalities that Shaped the Treaty*. New York: Capricorn Books.
17. Ruge, V. (1982) *Gindenburg. Portret germanskogo militarista* [Hindenburg. Portrait of a German militarist]. Translated from German by G. Rudy. Moscow: Mysl'.
18. Utkin, A.I. (1989) *Diplomatiya Vudro Vil'sona* [Woodrow Wilson's Diplomacy]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. [Online] Available from: // <http://art-of-diplomacy.ru/> "Art-of-Diplomacy.ru: Iskustvo diplomatii".
19. Wilhelm II. (2003) *Vil'gel'm II. Sobytiya i lyudi 1878-1918: Vospominaniya. Memuary* [Wilhelm II. Events and people 1878–1918: Memoirs]. Minsk: Kharvest.
20. Lloyd George, D. (1957) *Pravda o mirnykh dogovorakh* [The Truth about the Peace Treaties]. Translated from English by V. Trukhanovsky. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
21. Schulze, H. (2004) *Kratkaya istoriya Germanii* [A Brief History of Germany]. Translated from German by V. Brun-Tsekhovsky. Moscow: Ves' Mir.